

## **Иванушко Козаревич (Ненависть к нему родителей, добывание им коня и доспехов и освобождение сестры)**

Отсудили Иванушка от батюшка —  
И от батюшка Иванушка, от матушки;  
Присудили Иванушка ко бабушки,  
Как ко той же ко бабушки-задворёнки.  
И как просила же бабушка-задворёнка,  
Как кормила кусоцьками прошоныма,  
А кормила молоцьком она козловым же.  
Ище тут Иванушко годов пети-шести  
А стал тут по улоцьки похаживать,  
Он с малыма робятками поигрывать:  
А которого робётина схватит за ногу —  
У того же робетина ногу оторвёт;  
Как которого робетина схватит за руку —  
Да того же робетина руку оторвёт;  
Как которого робетина хвати[т] за живот —  
А того же робетина живота лишит.  
Тут же Иванушка приунели  
Занимацьсе етима шутками нехорошима!  
Ище стал тут Иванушко на возрости,  
Ище стало Иванушку охота ехать во цисто полё —  
Как нету по плецю ёму коня доброго.  
Он сходит ко батюшку на конюшин дом,  
На которого коня руку накинёт — да и тот с ног падёт.  
Ище ходит по улоцьки, похаживат,  
И закруцинилсэ Иванушко, запецалилсэ:  
Он повесил свою да буйну голову,  
Повесил буйну голову со могуцих плец.  
Как идёт же настрету дак ёму бабушка:  
«Уж ты здрастуй, Иванушко Козаревич!» —  
«Как уйди проць, и бабка, да синя шапка же!  
Я те дам тебе в ухо — да будет в жопы сухо!»  
Увёрнуласе бабушка-задворёнка;

Из-за народу, из-за народу — и опеть настрецю:  
«Уж ты здрастуй, Иванушко Козаревиц!» —  
«Отойди проць, и бабка, да и синя шапка!  
Я те дам в ухо — да будёт в жопы сухо,  
Будёт-то в жопы сухо и в глазах зелено!»  
Из-за народу, из-за народу — и опеть настрецю:  
«Уж ты здрастуй, Иванушко Козаревиц!» —  
«Уж ты здрастуй, и бабка да с́иня ша́пка!  
Ище ты що ты заходишь да ко мне третьей раз?  
Уж ты що ле, бабушка, верно, знаёшь же?» —  
«Ты спросил бы, моё дитятко, — я давно скажу.  
Ище есь у вас у батюшка стары-ти хорóмины,  
Они все стоят у их да прироссыпались!  
Ище есь у их тут подгрёб глубокой же.  
Ище есь во темном-то да у их в подгреби  
Как стоит-то у их доброй конь,  
И он тут тебе будёт слуга верная!  
Ище есь тут вся сбрунюшка богатырская.  
Как не то що тебе знать, дак и отець твой не знат!»  
Как на то же Иванушко не ослышилсэ —  
Поблагодарыл он тут бабушку, синю шапоцьку.  
Как пошол-то он, пошол как на стары-ти хорóмины,  
Он роскапывал подгрёб да тут глубокой же.  
Как котóро он роска́пыват, новó и конь ломат.  
Ище выскоцил конь да из етого подгребу.  
Наложил тут Иванушко на добра коня руку:  
Да не то що согнулсэ — не пошев[ел]илсэ он.  
«Ну, тут-тут мне слуга будёт ведь верная,  
Ище тут-тут слуга будёт надейна!»  
Он и вынял тут сбруню да богатырскую,  
Обседлал-обуздал своёго коня доброго.  
Он пошол-то ко батюшку, ко матушки  
Попросить он у батюшки, у матушки,  
Попросил он великого благословленьца:  
«Ище дай же мне, батюшко и матушка,  
Ище дайте вы мне-ка да благословленьца  
Мне-ка ехать во далецё цисто полё,  
Мне во то во роздольё да широкоё —  
И людей посмотреть, да и самого показать!»

Ище батюшко и матушка оцми не звели.  
Как пошол-то, пошол да из грынюшки вон,  
И сам-то пошол он тут ко бабушки:  
«Уж ты пусть мне-ка, бабушка, вместо батюшка,  
Вместо батюшка, бабушка, вместо матушки —  
Ище дай же великоё благословленьцо  
Мне-ка ехать во далецо цисто полё,  
Мне во то во роздольцо во широкоё —  
Мне людей посмотреть, дак и себя показать!»  
И дала же ёму бабушка благословленьцо  
Как с буйной-то главы да и до резвых ног!  
И как пошол-то, пошол Иванушко Козаревиц.  
Когда видели: Иванушко на коня как сел, —  
Когда не видели поезки да богатырское.  
Он и ехал во далецём цистом поли,  
А во том во роздольци во широком же —  
И нечего он не видал, да и нечего не слышал.  
Как наехал он только да цёрного ворона:  
Сидит церной ворон да на толстом дубу.  
Он натягиват свой-от тугой же лук,  
Он направливат стрелоцьку калёную —  
Он и хочот подстрелить да цёрного ворона.  
Проговорыл же тут ворон руським языком же:  
«Не стрелей-ко, Иванушко, цёрного ворона. —  
Ворониного мяса да ты не исть будёшь,  
Ворониной-то крови да ты не пить будёшь!  
Воронино-то мясо горьким-горько,  
Воронина-та кровь ище горьце!  
Поежджай-ко, поежджай дале по цисту полю.  
Там увидишь: тут есь три тотарина,  
Они дел-от делят да на паи кладут:  
Как первой-от дел делят — да цисто серебро,  
Как второй-от дел делят — да красно золото,  
Как треть-ёт дел делят — да красну девицю!»  
Как на то же Иванушко не ослышилсэ —  
Поехал-поехал да по цисту полю.  
Он увидял тут, увидял да три тотарына —  
Они дел-от делят да на паи кладут:  
Как первой-от дел делят — да цисто серебро,

Как другой-от дел делят — да красно золото,  
Как треть-ёт дел делят — да красну девицу.  
Как перв-от тотарын роспроговорыл:  
«Ты не плаць-ко, не плаць, да красна девица!  
На делу ле ты мне-ка достаниссе,  
В жеребью ты мне-ка и выпадёшь —  
Я ссеку-то, ссеку у те буйну голову!»  
Как втор-от тотарин да роспроговорыл:  
«Ты не плаць-ко, не плаць, да красна девица!  
На делу ле ты мне-ка достаниссе,  
В жеребью ты мне-ка и выпадёшь —  
Я ссеку-то, ссеку у те буйну голову!»  
Как треть-ёт-де тотарин да роспроговорыл:  
«Ты не плаць-ко, не плаць, да красна девиця;  
На делу-то ты мне-ка достаниссе,  
В жеребью ле ты и мне-ка выпадёшь —  
Ише вывезу те да на свою землю,  
На свою-то землю да к оцю, к матери!»  
Закипело у Иванушка ретиво серцо:  
Как первого-то тотарына конём стоптал,  
Как второго-то тотарына копьём сколол,  
Он третьёго-то тотарына живком спустил,  
А живком-то спустил: «Да куда хошь, поди!»  
Он садил-то, садил да красну девицу,  
Он садил-то да на добра коня,  
На добра-та коня да позади себя.  
Как поехали они да цистым полём.  
Ишше тут у девици да он ле стал выспрашивать,  
Ишше стал у девици да он выведывать:  
«Ты какой же земли, какого города?  
Ты какого оцця, какой и матери?» —  
«Я того же оцця да той и матери!» —  
«Пусть ты мне сёстра родна:  
Я того же оцця да той я матери!»  
А повёз-то, повёз да на свою землю.  
Он привёз-то, привёл да к оцю, к матери;  
Да отдал он свою-ту родну сёстру,  
Он отдал тут им, да оццю-матери.  
Как отец-от и мати на его оцьми не звели!

Как пошел-то, пошел Иванушко из грыни вон;  
Он и хлопнул в стену палицэй железной —  
А ихны-ти хоромы да пошаталисе,  
Пошаталисе — одва да не рассыпались.  
Ишше тут отець-матушка испугалисе,  
Побежали за Иванушком назади они.  
И тут же Иванушко оцьми не звёл.

*(Зап. А. Д. Григорьевым 3 августа 1901 г.: д. Тиглява (Тигляева) Юромской вол. — от Михашина Михаила Гавриловича, 44 лет.)*

Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899—1901 гг. Т. 3: Мезень. СПб., 1910.